

Новая русская трагедия

«ЕЛЕНА» АНДРЕЯ ЗВЯГИНЦЕВА

Андрей Плахов

ЭТО РАССУЖДЕНИЕ
О ДЕГРАДАЦИИ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ,
ОКАЗАВШЕЙСЯ ПЛЕННИЦЕЙ
МАТЕРИАЛИЗМА,
О ГЕНЕТИЧЕСКОЙ СВЯЗИ
РОДИТЕЛЕЙ И ДЕТЕЙ,
О ПОПЫТКАХ
И НЕВОЗМОЖНОСТИ
ПОРВАТЬ ЭТИ СВЯЗИ

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ уровень этого фильма говорит сам за себя. И все же «Елену» трудно сполна оценить, не вспомнив истории ее появления. Уже первый фильм Андрея Звягинцева «Возвращение» восемь лет назад стал уникальным по своей успешности проектом. Дебют никому не известного автора не только завоевал «Золотого льва» в Венеции, но и прошел по всему миру. В нем было то мистическое, почти религиозное восприятие жизни и природы, которое вместе с Тарковским почти ушло из нашей культуры. Когда в Венеции впервые победил русский фильм — это было «Иваново детство».

«Возвращение» — это детство без войны, но в мире, полном неформулируемой тревоги и тяжелых предчувствий. Второй картины Звягинцева ждали с нетерпением. Хотелось получить ответ на вопрос: феномен «Возвращения», явление режиссера Звягинцева — что это? Случайный успех «высочки», невеста откуда залетевшего в нормированную клановую киноиндустрию, где каждому определено и указано его место? Массовый гипноз сознания, прежде всего западного? Умелое приспособление клише русской духовности «а-ля Тарковский» к формату современного кино? Или действительно самостоятельный творческий акт, открытие нового индивидуального мира, обладающего мощью и магией?

Первый фильм Звягинцева назывался «Возвращение», второй — «Изгнание». Оба слова имеют бытовой смысл, но режиссер употребляет их в ином значении — сакральном, необиблейском. Сюжетом первой картины было возвращение блудного отца, темой второй — изгнание грешников из рая. Успех «Возвращения» был универсальным. Восприятие «Изгнания» во многом зависело от того, насколько зритель способен впитывать прямую религиозность, настойчивость, если не навязчивость евангельских цитат. Между тем если бюджет «Возвращения» ограничивался 450 тысячами долларов, то «Изгнание» стоило почти в десять раз дороже. И оно не только не разрешило вопросов, возникших после «Возвращения», но их умножило.

Ответы, причем весьма убедительные, дала «Елена». Эта картина сильно отличается от обеих предыдущих — прежде всего сугубо современным российским социальным контекстом. Главная героиня Елена — бывшая медсестра, ставшая женой-служанкой богатого пациента — оказывается посредницей между двумя мирами. Хай-тековская роскошь дома бизнесмена в московском тихом центре контрастирует с убожеством пятиэтажек люмпенской окраины, где ютится взрослый сын героини с двумя детьми и вечно беременной женой. Именно из-за него, непутевого пофигиста, героиня в итоге оказывается перед почти античной дилеммой.

Кто-то уже зачислил Звягинцева по ведомству абстрактного метафизического кино, но тут режиссер предстал одновременно и острым социологом. Ни в каком другом российском фильме мы не видели такого выразительного контраста, реального взрывного антагонизма двух миров. Фильм на редкость сбалансирован, хочется сказать — идеально сконструирован, но при этом в нем есть глубокая эмоция, которую передают актеры Надежда Маркина, Андрей Смирнов и Елена Лядова, а также оператор Михаил Кричман. Эта эмоция — отношения внутри семьи, а семья с цементирующими ее центростремительными и разрушающими центробежными силами образует ядро всех экранных сюжетов, которые до сих пор вдохновляли Звягинцева. Это глубокое рассуждение о деградации человеческой природы, оказавшейся пленницей материализма, о генетической связи родителей и детей, о болезненных попытках и невозможности порвать эти связи. «Елена» была приглашена в Канн, получила приз программы «Особый взгляд», а газета Liberation, известная своим снобизмом, напечатала непривычно восторженную статью о русском фильме. Но все же фильм оказался вне главного конкурса. Если бы выбранную им тему богатых/бедных Звягинцев решил при помощи той же эстетики, которую использовал в «Возвращении» и «Изгнании», тогда, возможно, у «Елены» было бы больше шансов попасть в конкурс. И даже выиграть его. В этом — парадокс. Каннский фестиваль

все время говорит о том, что мечтает о фильме, который был бы снят сравнительно молодым режиссером и адекватно отражал состояние современной России. Спустя 25 лет после начала перестройки такой фильм появляется — и поразительным образом именно он оказывается вне рамок конкурса. Потому что подсознательно фестиваль и вообще западное кинообщество по-прежнему ориентируется на имидж русского кино, сформированный еще Тарковским. А Звягинцев отошел от него. Правда, и в «Елене» хватает символов: например, смурная ворона в начале фильма предвещает вторжение «черни». Кроме того, картина сначала задумывалась как часть англоязычного кинопроекта об апокалипсисе. Но даже если таков был первоначальный замысел, все получилось проще и сложнее. Оказалось, не обязательно пугать перспективой грядущего Страшного суда, когда этот суд творится на наших глазах. Кто же тогда Елена — мстительный ангел истребления, преступница или жертва? Кто ее муж — олигарх-кровосос или честный предприниматель? В том, что нет категорически поставленных диагнозов, — достоинство фильма. Он отражает ужас современной России, где все перемешано, где все оказываются заложниками друг друга.

А с другой стороны — удивительная точность бытовых и психологических деталей. Особенно для Звягинцева, который известен тяготением к притче, а притча характеризуется не только тем, что в ней есть глубинная метафоричность, но и тем, что она всегда некая модель. Вот почему «Елена» — чрезвычайно важный шаг для режиссера. Он расконсервировал собственный стиль — а это удается только очень талантливым людям. Будучи достаточно холодным морально-социальным диагнозом, это кино уже почти не напоминает Тарковского, скорее — Михаэля Ханеке, самого значительного европейского режиссера наших дней. Каков будет следующий шаг? Зная о больших проектах Звягинцева из древнерусской и даже древнегреческой истории, можно только с огромным любопытством заглядывать в будущее.